

АРИАДНА ШАФРАН

ПАРА НА ФИНАЛ

18+

18+

Ариадна Шафран

Пара на финал

«Автор»

2026

Шафран А.

Пара на финал / А. Шафран — «Автор», 2026

После измены мужа хореограф Ника Кравцова уходит из общего дома и создаёт собственную труппу. Споры с новым соавтором Ильёй Ветровым становятся свиданиями, а прикосновения в танце — близостью. Но рабочий архив хранит сообщение, которое связывает Илью с обманом её прошлого. Чтобы остаться вместе, им придётся пройти через правду, которую уже нельзя отложить.

© Шафран А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Г	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Пара на финал

Глава 1

— Если ты сейчас ещё раз посмотришь на дверь, я поставлю её в дуэт вместо тебя.

Миша повернул голову ко мне. Ася, которую он держал за талию, засмеялась и тут же наступила ему на ногу. Они расцепились.

— Вот, — сказала я. — У двери хотя бы нет претензий к партнёру.

— Вероника, мы с десяти здесь.

— Я с девяти. Это соревнование ты тоже проиграл.

Они застонали почти одновременно, но встали на исходную. Я остановила музыку и подошла к ним. В зеркале нас было шестеро: Миша, Ася, я и наши двойники, которые в отличие от нас не пытались отрепетировать сорок секунд так, чтобы зритель поверил в случайную встречу.

До показа оставалось три дня. Больше всего сил всегда съедали эти последние три дня, когда движения уже знали все, а происходящего между людьми всё ещё не было.

— Ты ждёшь автобус, — сказала я Мише. — Она подходит. Ты замечаешь её раньше, чем она тебя. Вот здесь.

Я коснулась его плеча, обозначая поворот, и попросила Асю пройти ещё раз.

— А теперь представь, что ты хочешь с ней заговорить, но уже успел придумать три причины, по которым она тебя пошлёт.

— Это легко, — сказал Миша.

— Потому что жизнь готовила тебя к этой роли.

На этот раз он не потянулся к Асе сразу. Пропустил её вперёд, догнал взглядом, сделал шаг и остановился. У неё изменилось лицо. Следующее движение получилось простым и точным: она сама повернулась, а его ладонь нашла её талию в тот момент, когда это стало нужно.

Я отступила к колонке и включила музыку с начала.

Через стеклянную вставку в двери кто-то махнул рукой. Я подняла палец: минуту. Олег, мой помощник, показал на часы, потом на телефон. Я покачала головой. В нашем расписании было полно людей, которым непременно требовалась я ровно в ту минуту, когда у меня наконец начинало что-то получаться.

Ася закончила поворот, Миша удержал паузу. Я дала музыке прозвучать ещё несколько секунд и выключила.

— Вот это оставляем. Десять минут отдыха, потом второй состав. И не пытайтесь за десять минут заново выяснить отношения. Они у вас теперь в номере есть, больше не надо.

Олег отступил, пропуская меня в коридор.

— Ирина Белова приехала.

— Сегодня?

— Говорит, с Павлом согласовано.

— Тогда где Павел?

Он развёл руками. Павел с утра встречался с кем-то из заказчиков. До обеда обещал вернуться, но в половине второго написал: «Задерживаюсь. Покорми себя». Я отправила ему фотографию контейнера с гречкой. Он ответил сердечком.

Контейнер стоял в холодильнике нетронутый.

Ирина ждала у маленького стола, который мы называли переговорной зоной. Стол, три стула и кофемашина, шумевшая так, словно её тоже наняли за скромные деньги и она не соглашалась с условиями.

Мы работали с Ириной второй год. Она собирала концертные программы для нескольких площадок, умела добиваться оплаты вовремя и никогда не произносила «вы же творческие люди», когда речь шла о цене. За это я её уважала.

Сегодня она была в светлом брючном костюме. На столе лежал ноутбук, рядом — аккуратная папка. Наш администратор уже успела принести ей кофе.

— Ника, привет. Извини, что без предупреждения.

— Смотря что ты принесла. Если ещё три минуты в программу, буду извинять долго.

Она улыбнулась, но не так, как обычно. Я села напротив и потянулась к папке.

— Новый порядок выходов?

— Нет. По осени.

— Мы с Павлом говорили, что обсуждаем после показа. Сейчас у меня люди в зале, и если я отвлекусь на сорок минут, они поставят себе что-нибудь прекрасное и совершенно несовместимое со всем остальным.

— Я ненадолго. Мне хотелось с тобой поговорить до общей встречи.

Она положила ладонь на папку, не позволяя мне её открыть. Это было странно. Ирина обычно начинала разговор с документа, а уже потом выясняла, какие человеческие обстоятельства помешают нам сделать написанное.

— Хорошо, — сказала я. — Говори.

Она посмотрела в сторону зала. Из-за двери донёсся громкий смех Миши. Я подумала, что он всё-таки продолжил выяснять отношения.

— Я понимаю, что тебе сейчас непросто. И не рассчитываю, что мы сразу сможем работать как раньше.

— Почему?

Ирина убрала руку с папки.

— Павел сказал, вы всё обсудили.

Я ещё не испугалась. Раздражение было привычнее. Муж любил сообщать людям, что мы всё обсудили, когда имел в виду, что собирается рассказать мне вечером.

— Если он решил сменить площадку, я об этом не знаю. У нас уже отправлены размеры сцены.

— Я не про площадку, Ника.

Она произнесла моё имя осторожно. Мне это не понравилось.

Я посмотрела на неё внимательнее: под короткими ногтями не было лака, на правом запястье — тонкий золотой браслет. Такой я недавно видела в истории покупок нашего общего аккаунта. Тогда решила, что Павел выбрал мне подарок ко дню рождения, и закрыла вкладку, чтобы не портить сюрприз.

До моего дня рождения оставалось шесть недель.

— Про что?

— Мы с Павлом вместе.

В коридоре было прохладно. Из зала тянуло нагретым воздухом и обычным запахом репетиции: ткань, пыль, чья-то слишком сладкая туалетная вода. На столе у Ирины стояла моя любимая чашка — белая, с неровной синей полосой. Я сама поставила такие чашки вместо одноразовых стаканов, потому что мне хотелось, чтобы здесь было место, в котором люди остаются.

— Что значит «вместе»?

Ирина не отвела глаз.

— У нас отношения. Он сказал, что вы решили расстаться и сейчас договариваетесь, как продолжать работу.

Я кивнула. Это было бессмысленное движение, и я сразу разозлилась на себя за него.

— Когда он тебе это сказал?

— В конце августа. Что вы больше не живёте как супруги.

Сейчас был октябрь. В конце августа мы ездили на четыре дня к воде. Павел весь отпуск ворчал, что я не умею лежать на пляже. Утром мы спали дольше, чем дома, вечером ели рыбу на открытой террасе. Один раз он достал телефон посреди ужина, я отобрала, он поцеловал меня в запястье и сказал: «Да ладно, я только отвечу».

Я положила обе руки под стол.

— Мы живём как супруги. Сегодня утром он спросил, купить ли домой хлеб.

Лицо Ирины изменилось. Впервые за весь разговор она выглядела растерянной.

— Ника...

— Ты когда-нибудь была у нас дома?

— Нет.

— Ясно. И как давно у вас отношения?

— Сейчас не лучший момент...

— Ты выбрала момент сама.

Она выпрямилась.

— Чуть больше года.

Мне захотелось попросить её повторить. Я удержалась. Ответ был достаточно ясным и ничего не выигрывал от второго произнесения.

В начале сентября прошлого года я простудилась перед большой записью концертной программы. Павел принёс мне лекарства и, пока я спала, сам развёз костюмы. Вернувшись, сказал, что теперь имеет полное право командовать мной три дня. Я рассмеялась. Он сидел на краю кровати, и я помнила, как приятно было проснуться и увидеть его рядом.

Не хотелось искать в каждом хорошем воспоминании Ирину. Но память уже делала это без разрешения.

— Ты знала, что он женат.

Она кивнула.

— Да.

— И что жена существует не только в документах.

— Он говорил, у вас давно всё сложно. Я понимаю, как это сейчас звучит.

— Не уверена.

За моей спиной открылась дверь. Олег вышел с планшетом и сразу остановился. Я повернула к нему голову.

— Начни со второго состава. Первые четыре восьмёрки, без поддержки. Я приду.

Он посмотрел на Ирину, потом на меня и молча вернулся в зал.

— Я не хотела, чтобы ты узнала так, — сказала она.

— Как ты хотела?

Она не ответила. Я не стала помогать.

Взяв телефон, я открыла переписку с Павлом. Над сердечком стояла моя гречка. Ниже было пусто. Я набрала: «Ты где?»

Он ответил почти сразу: «Еду к вам. Через двадцать минут. Что случилось?»

Я написала: «Ирина приехала».

Появилась надпись, что он печатает. Пропала. Появилась снова.

Телефон зазвонил у Ирины.

Мы обе посмотрели на экран. Она перевернула его.

— Возьми, — сказала я. — Он же едет к нам. Пусть не отвлекается за рулём.

— Ника, я правда думала...

— Я слышала.

Я встала. Колени слушались, и это оказалось неожиданно важным. До двери зала было семь шагов. Я знала, потому что сама выбирала, где поставить стол, чтобы сидящие за ним не мешали проходу.

Олег остановил музыку, когда я вошла. Второй состав стоял посреди зала. Миша с Асей сидели у стены и ели из одного пакета какие-то хрустящие хлебцы.

— У нас получится дойти до конца? — спросил Олег.

— Получится. Сначала без музыки.

Я села на деревянный куб у зеркала. На нём отклеился угол чёрной плёнки; я пригладила его большим пальцем.

Первые четыре восьмёрки получились плохо. На пятой Олег торопился с командой, на шестой один из ребят потерял направление. Я сказала, что исправить, и услышала собственный голос. Обычный. Разве что чуть тише.

Когда они закончили, я попросила пройти ещё раз. Теперь стало лучше.

Через пятнадцать минут в дверях появился Павел. Обычно он заходил в зал свободно, здоровался, мог подхватить чей-нибудь рюкзак, брошенный на проходе, и спросить, кто опять пытается его убить. Сейчас остался у двери.

Я поднялась.

— Олег, дальше сам. На сегодня хватит, когда соберёте переход. Завтра в десять.

— Ника, — начал Павел.

— В кабинет.

Он пошёл первым. Я закрыла за нами дверь. Наш кабинет был маленький, с одним большим столом и двумя креслами, которые мы купили в разное время. Моё скрипело. Я каждый месяц собиралась его поменять, и каждый месяц находилось что-то важнее.

Ирина ушла. На столе осталась её папка.

Павел снял куртку и повесил на спинку своего кресла. Я наблюдала за тем, как он это делает. Хотелось, чтобы он хотя бы сейчас не чувствовал себя настолько дома.

— Что она тебе сказала?

— Что вы вместе чуть больше года. Что в августе мы решили расстаться. Что ей хотелось обсудить осеннюю программу после нашего разговора.

Он закрыл глаза и потёр переносицу.

— Я просил её не приезжать сегодня.

— Значит, всё это правда?

— Да. Но ты сейчас получила только одну сторону...

— Ты спишь с ней?

— Ника.

— Мне нужен ответ, Павел.

Он посмотрел на меня.

— Да.

Я отвела взгляд к окну. На противоположной стороне двора мужчина выносил из машины коробки. Одну поставил на землю, вторую взял слишком высоко, крышка раскрылась, и он начал придерживать её подбородком. Мне хотелось смотреть только на него.

Павел шагнул ко мне. Я подняла руку.

— Не надо.

— Я не собираюсь делать вид, что ничего не произошло. Я хотел с тобой поговорить после показа.

— Поэтому сегодня спросил про хлеб?

— Я не знал, как начать.

— А с Ириной знал.

Он опустил голову. Я ждала привычного возражения: что всё сложнее, что я сама понимаю, что в последнее время между нами... Он не произнёс этого. За двенадцать лет успел изучить, когда спорить со мной бесполезно.

— Я виноват, — сказал он. — И понимаю, что одним разговором это не исправить. Но давай хотя бы не будем сейчас рушить всё, что мы сделали.

— Что именно ты боишься разрушить?

— Компанию. Работу людей. Наши обязательства.

Я посмотрела на него. Утром он целовал меня в прихожей, пока я пыталась застегнуть сумку. Я сказала, что он мешает. Он сказал: «В этом смысл». И я ушла, улыбаясь.

Сейчас он говорил о нашей компании.

— А брак?

— И его тоже.

— Ты хочешь его сохранить?

Павел медленно сел. Этого ответа можно было уже не ждать.

В кабинете звенел телефон. Кто-то пытался дозвониться на рабочий номер. Павел бросил взгляд на экран и не взял трубку.

— Мне нужно время, — сказал он.

Я достала из сумки ключи. На кольце висела маленькая деревянная птица — мы купили её на ярмарке в первую осень после свадьбы. Ключ давно откололся. Я всё собиралась заменить брелок.

Отцепила ключ от машины, положила перед ним. Сегодня приехала на метро; вечером он должен был подвезти меня домой.

— Ника, куда ты?

— Забрать вещи.

Он поднялся.

— Давай я отвезу. Тебе не стоит сейчас...

— Я доеду.

Я открыла дверь. Из зала доносилась музыка, ребята проходили номер последний раз. Ася стояла у кулера с бутылкой в руке. Увидела меня, хотела что-то спросить, но передумала.

Я сама сказала:

— Завтра в десять. Сегодня получилось хорошо.

В лифте пришлось прижать ладонь к кнопке дважды. Первый раз я не попала.

Пока спускалась, написала Вере: «Можно я сегодня к тебе?»

Она ответила: «Конечно. Ужин есть. Что случилось?»

Лифт открылся. Я отошла от двери, чтобы не мешать человеку с велосипедом, и только тогда набрала:

«Паша мне изменяет».

Глава 2

В прихожей пахло яблоками. Утром я поставила на тумбу пакет и забыла разобрать. Одно яблоко выкатилось к Павловым ботинкам.

Я подняла его, отнесла на кухню и только там вспомнила, зачем приехала.

На холодильнике висело расписание наших показов. Павел обвёл субботу и приписал: «После — есть и спать. Обязательно». Я сама купила ему этот дурацкий маркер с магнитом. Он любил оставлять записки там, где я не могла их не заметить.

Телефон завибрировал.

«Ты дома? Я еду».

Я ответила: «Не надо. Сегодня останусь у Веры».

Он позвонил. Я посмотрела на экран, дождалась тишины и открыла шкаф.

Большой чемодан лежал сверху, за коробками с зимней обувью. Чтобы достать его, требовалась стремянка. Стремянку мы одолжили соседям. Я встала на стул, потянула чемодан за ручку и едва не получила по голове коробкой.

— Отлично, — сказала я вслух. — Ещё и сапогами добить.

Пришлось брать маленькую дорожную сумку.

Я складывала всё, что попадалось под руку. Три футболки, тренировочные брюки, бельё. Почему-то первым делом положила платье, в котором ходила на юбилей Павловой матери. Вынула. Потом снова положила: хорошее платье не виновато в том, что я выбирала его вместе с мужем.

В ванной стояли наши щётки. Его уже пора было менять — щетина разошлась в стороны. Я давно собиралась купить две новые.

Свою я убрала в косметичку.

Вера позвонила, когда я искала зарядку.

— Ты где?

— Дома. Собираюсь.

— Приехать?

— Нет. Я сейчас.

— Хорошо. Что-нибудь купить?

Я посмотрела на пакет яблок.

— Не знаю.

— Тогда ничего не покупаю. Адрес помнишь?

— Вер, я у тебя была в воскресенье.

— Ты в воскресенье ещё была человек. Сейчас у тебя, наверное, в голове станция метро в час пик.

Я села на край кровати. Под моей ладонью оказалась Павлова футболка. Утром он бросил её здесь, переодеваясь, а я крикнула из ванной, что кровать не корзина для белья.

— Он больше года с ней, — сказала я.

Вера помолчала.

— Приезжай. Я здесь.

Я сжала футболку. Ткань была мягкой, выстиранной столько раз, что ворот потерял форму. В ней Павел спал, когда в квартире было холодно.

Первый всхлип получился громким и некрасивым. Я попыталась вдохнуть, но вместо этого всхлипнула снова.

— Ника, — сказала Вера в трубку. — Не торопись. Я подожду.

Я плакала, уткнувшись в чужую теперь футболку, и злилась, что всё ещё хочу его объятий. Не какого-то прекрасного будущего мужчины. Павловых. Чтобы он прижал меня к себе, погладил по спине и сказал, что сейчас мы всё решим.

Мне пришлось самой разжать пальцы.

— Я перезвоню, — сказала я.

— Хорошо.

На кухне я выпила воды. Потом вернулась в спальню за документами, ноутбуком и лекарствами от головной боли. Футболку оставила на кровати.

Павел прислал ещё одно сообщение: «Нам всё равно придётся поговорить».

«Придётся. Завтра после репетиции. Без Ирины».

Ответ пришёл, когда я уже надевала куртку.

«Конечно, без неё».

Я чуть не написала: «Раньше это казалось мне само собой разумеющимся». Стерла. На такую переписку можно было потратить весь вечер и никуда не уехать.

Сумка не закрывалась. Пришлось оставить вторые туфли. Я проверила окна, выключила свет и постояла у двери, пытаюсь понять, не забыла ли что-нибудь важное.

Телефон. Кошелёк. Ключи.

Больше я пока ничего не могла проверить.

Вера открыла дверь в домашних брюках и с кухонным полотенцем на плече. Взяла у меня сумку, поставила у стены и обняла.

Я вцепилась в неё так, что она тихо охнула.

— Прости.

— Не за что. Только я ещё нужна тебе с рёбрами.

На плите стояла кастрюля. Из комнаты торчал угол раскрытого дивана. Вера уже постелила чистое бельё.

— Я приготовила суп, — сказала она. — Если не хочешь, не ешь. Если хочешь рассказать, рассказывай. Если хочешь молчать, я умею. Минут семь точно.

Я сняла куртку.

— Он сказал, что не знает, хочет ли сохранить брак.

— Вот как.

— Не этими словами. Но смысл такой.

Вера кивнула на кухню.

— Сядем?

На её столе лежали чужие чеки, блокнот и ноутбук. Она стрепала бумаги на подоконник. Один чек упал, и я машинально наклонилась за ним.

— Оставь, — сказала Вера. — Это расходы на декорации. Они уже второй раз меня пытаются прикончить.

Я села. Она налила суп в две тарелки.

Рассказать всё оказалось проще, чем я думала. Я почти слово в слово воспроизвела разговор с Ириной, а потом с Павлом. Вера не перебивала. Только один раз спросила:

— Он подтвердил год?

— Да. Не стал возражать.

— А ты до сегодня ничего не знала?

— Нет.

Мне захотелось добавить оправдание. Что мы работали, уставали, у него были встречи, у меня репетиции. Что не проверяла телефон, потому что мы так не жили.

Вера пододвинула хлеб.

— Я не спрашиваю, почему ты не догадалась.

Я отломил кусок. Суп был горячий, и пришлось подождать, прежде чем проглотить первую ложку.

— Она знала, что он женат, — сказала я. — Просто считала, что это у нас для удобства осталось.

— Очень удобная версия.

— Да.

— Ты сейчас чего хочешь?

Я посмотрела на неё.

— Чтобы этого не было.

Вера опустила глаза к своей тарелке.

— Понимаю.

— А если про то, что возможно... Не знаю. Не ехать домой. Завтра провести репетицию. Дойти до субботы, чтобы люди не остались без показа из-за моей семейной жизни.

— Можно начать с этого.

Я достала телефон. Павел молчал уже сорок минут. На секунду стало обидно: вот так легко разрешил мне уйти. Потом я вспомнила, что сама велела не приезжать.

Вера заметила, как я перевернула экраном вниз телефон, но ничего не сказала.

— А потом? — спросила я.

— Потом что?

— После субботы. Мы ведь вместе работаем. Он сидит в соседнем кресле. Я не могу каждый день ждать, куда он поедет вечером.

Вера отодвинула тарелку.

— Тебе не обязательно решать это сегодня.

— Я понимаю. Но мне надо знать, есть ли у меня вообще возможность уйти. Не просто от него. Из компании.

Она помолчала.

— Есть. Только давай посчитаем её нормально.

— Ты сейчас как подруга или как бухгалтер?

— Как подруга, которая знает, что ты способна забыть про собственную еду, зато заказать шесть метров ткани для сцены.

— Восемь.

— Тем более.

Мы убрали тарелки. Я открыла ноутбук и банковское приложение. Вера принесла калькулятор, хотя оба наших компьютера отлично умели считать.

Личных накоплений хватало на несколько месяцев скромной жизни. Если снять жильё, заплатить залог и продолжать оплачивать обязательные расходы, срок становился короче. Если сразу арендовать репетиционный зал и нанять людей — совсем коротким.

— Деньги компании сюда пока не ставим, — сказала Вера. — Это отдельный разговор и отдельные документы. Сейчас смотрим, чем ты сама можешь распоряжаться.

Я убрала из таблицы строку, которую успела набрать.

— Могу брать постановки на заказ.

— Можешь. У тебя сейчас есть заказ, который не проходит через вашу компанию?

— Нет.

— Тогда пока это план, а не доход.

Я потёрла лицо ладонями.

— Ты могла бы быть чуть менее хорошим бухгалтером.

— Завтра. Сегодня тебе лучше знать цифры.

В какой-то момент я перестала смотреть на общий итог и начала думать о работе. Один дуэт я могла поставить за две недели. Для небольшой программы требовались хотя бы четыре

человека, несколько выходов на площадку и время на свет. Я знала, где можно сократить расходы. И знала, после какого сокращения вместо спектакля останутся люди в тренировочной одежде, старательно изображающие спектакль.

— Помнишь, я говорила про вечер коротких историй? — спросила я.

— Про тех, кто в городе друг друга всё время не находит?

— Да. Не совсем. Кто-то как раз находит, но не знает, что с этим делать.

— Помню. Ты хотела маленькую сцену, чтобы лица были видны.

Я открыла папку с набросками. Там лежали три музыкальных фрагмента, видео проб и документ, которому я дала название «Не трогать до осени».

Осень наступила давно.

Павел считал, что такую программу трудно продавать: без известного имени, без привычного праздничного настроения. В чём-то он был прав. Я тоже не видела очереди покупателей. Поэтому отложила идею, потом ещё раз отложила. Текущая работа кормила нас обоих и занимала почти всё время.

В первом наброске мужчина и женщина выходили на сцену с разных сторон и менялись местами, так ни разу и не встретившись. Я придумала его прошлой весной. Сейчас он казался слишком очевидным, и мне захотелось удалить файл.

Я закрыла его, не удаляя.

— Лада искала камерные проекты, — сказала я. — Я видела её объявление в августе.

— Срок прошёл?

— Не помню.

Нашла переписку. Лада руководила программой небольшого частного театра, куда я однажды помогла привезти чужой показ. Мы не были подругами, но она помнила мою работу. В августе прислала условия отбора, а я ответила, что пока связана обязательствами.

Срок действительно прошёл.

— Можно спросить, — сказала Вера.

Я начала письмо. Написала два абзаца, перечитала и стёрла половину.

— Не надо рассказывать, что произошло, — сказала я больше себе, чем ей.

— Не надо, если не хочешь.

В итоге осталось короткое предложение проекта: четыре исполнителя, несколько историй, около часа без антракта. Я приложила две ссылки на свои работы и спросила, рассматривает ли театр дополнительные заявки.

Час был приблизительным. Состава ещё не существовало. Но это хотя бы было то, что я действительно хотела сделать.

Палец задержался над кнопкой отправки.

— Она может отказать, — сказала я.

— Да.

Я отправила письмо.

Вера потянулась к чайнику.

— Чай?

— Давай.

Мы больше не обсуждали будущее. Она рассказала, как один режиссёр попытался провести через расходы корм для собаки, объяснив, что собака участвует в спектакле. Я спросила, участвует ли.

— Пока нет. Но после нашего разговора у неё появились шансы на роль.

Я засмеялась. Потом снова заплакала. Вера пересела ближе и оставалась рядом, пока я не смогла выпить чай.

Утром я проснулась раньше будильника и несколько секунд не понимала, почему потолок другой.

Потом вспомнила всё сразу.

Вера уже ушла на встречу. На кухне оставила хлеб, сыр и записку: «Ключи у зеркала. Суп в холодильнике. Я вечером».

Я ела стоя, хотя могла сесть. Проверила телефон. Павел написал ночью: «Ты доехала?»
А утром: «Буду в офисе после двух. Поговорим».

От Лады было письмо.

Она благодарила за предложение, но предупреждала, что основной отбор закончен. Дополнительный проект театр мог рассмотреть на малой сцене, если появится свободная дата. Нужны были более подробная заявка, смета и видео хотя бы одного законченного фрагмента. Она предлагала короткую встречу в пятницу, без обещаний включить программу в афишу.

В пятницу у нас была последняя репетиция перед показом.

Я открыла расписание, проверила время и написала Олегу: «Сможешь в пятницу начать без меня? Буду к двенадцати».

Он ответил: «Смогу. Что прогонять?»

Я отправила порядок номеров и отдельные замечания второму составу. Потом подтвердила Ладe встречу.

До выхода оставалось двадцать минут. Я достала из сумки тренировочные брюки. Вместе с ними выпало платье с юбилея. В лифте вчера я прижала сумку к себе, и рукав платья попал в молнию. На ткани осталась затяжка.

Я осторожно высвободила нитку и повесила платье на спинку стула.

Взяв телефон, открыла нашу с Павлом переписку. Несколько раз набирала вопрос: где он ночевал. Каждый раз стирала.

Потом написала другое:

«После двух подойду. Мне нужно обсудить, как мы будем заканчивать наши отношения и разделять работу».

Слова «заканчивать отношения» были на экране. Я перечитала их дважды, прежде чем отправить.

Внизу появился Павлов ответ:

«Ника, не решай за нас обоих».

Я положила телефон в сумку.

За окном проехала машина, у соседей за стеной зашумела вода. В чужой прихожей стояли мои туфли. Мне ещё предстояло найти жильё, составить смету, выдержать разговор, провести репетицию.

Я надела туфли и вышла.

Глава 3

Олег встретил меня с двумя стаканами кофе. Один протянул мне, второй оставил себе, и я была ему благодарна за то, что он не стал объяснять этот поступок.

— Ася уже пришла? — спросила я.

— Переодевается. Миша пишет, что застрял в пробке.

— Он на метро.

— Там тоже всякое бывает.

Я забрала кофе. В зале вчерашний деревянный куб стоял у стены; отклеившийся угол плёнки теперь был прижат полоской скотча. Олег заметил мой взгляд.

— Само отвалилось. Я подклеил.

— Спасибо.

Он устроился на подоконнике, пока я переобувалась. Обычно в это время мы обсуждали, кто заболел, какой свет нам опять не обещали и где взять человека, умеющего вовремя выключить дым. Сегодня Олег молчал.

Я затянула шнурок и подняла голову.

— Мы с Павлом расходимся. Это всё, что я пока готова рассказать. На субботу ничего не меняется.

— Понял.

— Я не прошу тебя выбирать сторону.

— Я и не собирался. Мне бы для начала понять, кто у нас будет за кулисами.

— Я.

— Хорошо.

За дверью хлопнула крышка шкафчика. Олег слез с подоконника и взял планшет.

— Если надо будет выйти, скажи. Я проведу.

— Скажу.

На репетиции я дважды остановила Асю в одном и том же месте. В первый раз попросила не торопиться с поворотом, во второй — почему она медлит. Ася отвела с лица мокрую прядь и посмотрела на меня.

— Ника, так раньше или позже?

Я открыла рот, чтобы объяснить разницу, и поняла, что никакой разницы нет. Она сделала ровно то, что я попросила.

— Позже. Предыдущее замечание отменяется.

Миша переглянулся с Олегом. Я увидела это в зеркале.

— Если я начну отменять целые номера, остановите меня. Пока повторяем с перехода.

Они засмеялись не сразу, но всё-таки засмеялись. Я отошла к стене и дала Олегу включить музыку. Дальше смотрела только на сцену: рука, перенос веса, поворот корпуса. Простые вещи, в которых я ещё могла быть уверена.

Ближе к половине третьего Павел заглянул в зал. Я не заметила, как он вошёл; услышала его голос за спиной, когда он поздоровался с ребятами. Миша ответил весело, Ася кивнула. Они не знали. Мне захотелось, чтобы так и осталось хотя бы до конца сегодняшнего дня.

Павел встретился со мной взглядом и показал в сторону кабинета. Я подняла пять пальцев.

Он вышел. Раньше такой обмен означал, что всё нормально: у него свои дела, у меня свои, вечером расскажем друг другу. Я отвернулась от двери и досмотрела номер.

В кабинете пахло его кофе. На моём месте лежал распечатанный список субботних выходов, сверху — карандаш, который я вчера искала.

— Нашёл под ноутбуком, — сказал Павел.

Я убрала карандаш в сумку.

— Ты ела?

— Давай без этого.

Он поставил чашку на стол. На нём была рубашка, которую я гладила в воскресенье. Не следовало смотреть на рубашку, и я развернула к себе список выходов.

— Нам нужно решить, как работать дальше.

— Ника, я хочу сначала поговорить о нас.

— Хорошо. Говори.

Павел сел напротив. Вчера я не могла дождаться, когда он перестанет обсуждать компанию. Сейчас боялась услышать, что он намерен сказать о браке.

— Я не хотел тебя терять.

— Но встречался с Ириной.

— Да.

— И до сих пор встречаешься?

Он провёл ладонью по столу, задел лист, поправил его.

— Мы вчера поссорились.

— Это не ответ.

— Я пока не знаю, что будет дальше.

Я услышала, как в соседнем помещении включили воду. Кто-то долго отмывал контейнер под сильной струёй. Мне вдруг стало завидно: человек точно знал, чем занят.

— Тогда зачем ты хотел говорить о нас?

— Потому что двенадцать лет нельзя закончить за сутки.

— Ты их не за сутки закончил. Просто мне сообщили вчера.

Он сжал губы. Я знала это выражение: так Павел реагировал на справедливую претензию, с которой ничего не мог сделать. Когда-то оно вызывало у меня желание смягчить разговор.

— Я понимаю, что виноват, — сказал он. — Но ты сейчас говоришь так, будто между нами вообще ничего не было.

— Было. Поэтому мне так плохо.

Он поднял голову. Я не собиралась произносить это, но раз уж сказала, не стала добавлять ничего сильного и гордого.

— Я тебя любила, Паш. Ещё вчера утром. Я не успела научиться разговаривать с тобой по-другому.

Он протянул руку через стол. Я отодвинула свой стул, и наше расстояние увеличилось на жалкие двадцать сантиметров.

— Не трогай меня.

Павел убрал руку.

— Хорошо. Что ты хочешь сделать?

— Развестись. И перестать работать с тобой каждый день.

Слово «развестись» прозвучало ровнее, чем я ожидала. Он отвернулся к окну, а я наконец смогла посмотреть на него целиком. Уставший мужчина с коротко подстриженными волосами, знакомой складкой между бровями, кольцом на пальце. Мой муж. Мне не помогало ни одно из этих определений.

— У нас три действующие программы, — сказал он. — Нельзя просто разойтись, как будто мы вместе снимали квартиру.

— Я и не собираюсь просто разойтись. Поднимем договоры, поговорим со специалистами, решим, что делать с компанией и обязательствами. До этого я закончу субботний показ. По остальному нужен список сроков и условий, а не обещание продолжать как раньше.

— Ты хочешь забрать людей?

— Люди не твои и не мои. Я никому ничего не предлагала.

— Но что-то планируешь.

— Да.

Павел помолчал, потом взял свой телефон.

— Скажи хотя бы что. Мне нужно понимать, на что рассчитывать.

Я едва не рассказала про письмо Ладе. Уже приготовилась объяснить, что это маленький проект, что он не конкурирует с нашей программой, что я не сошла с ума и всё посчитала. Остановилась только на последнем: ничего я ещё толком не посчитала.

— Когда будет решение, сообщу. Сегодня у меня нет ничего, что касается наших обязательств.

Он положил телефон.

— Ты собираешься так со мной разговаривать всё время?

— Не знаю. Сегодня получается только так.

Павел потёр шею. Я машинально отметила, что опять прихватило после долгой дороги. Ощущение было неприятным: привычная забота никуда не делась, хотя я уже отказалась от права касаться его.

— Можешь вернуться домой, — сказал он. — Я поживу отдельно. Квартира твоя тоже. Не надо ютиться у Веры.

— Я пока останусь у неё.

— На сколько?

— На несколько дней. Потом найду жильё.

— Зачем тратить на это деньги?

Я посмотрела на список выходов. Напротив нашего заключительного номера Павел поставил галочку. Согласовал технику. Значит, суббота действительно состоится, что бы мы сейчас ни сказали друг другу.

— Потому что я не хочу сидеть в нашей спальне и представлять, когда ты начнёшь там жить с Ириной.

Он вздрогнул.

— Я не собирался приводить её домой.

— Я не собиралась узнавать о ней в коридоре от неё самой. Теперь мне недостаточно того, что ты собирался.

Павел не ответил. Я сложила список пополам и встала.

— Пришли мnedоговоры и расходы по программам. Не сегодня к вечеру — когда соберёшь полную картину. И давай рабочие вопросы пока письменно. Я не могу каждый раз начинать с этого разговора.

— Ника.

Я задержалась у двери.

— Я правда не хотел, чтобы вышло так.

— Верю.

Он смотрел на меня, ожидая продолжения. Я вышла без него.

В четверг вечером Вера обнаружила меня за своим кухонным столом с пятью одинаковыми листами. На каждом я по-разному пыталась объяснить, почему зрителю стоит провести час с людьми, которые танцуют о встречах и расставаниях.

— Это заявки или предсмертные записки? — спросила она.

— Одна и та же заявка.

— Что у тебя с ужином?

— Он запланирован.

Вера сняла пальто, повесила сумку и вернулась с пакетом еды.

— Какая прекрасная жизнь в будущем времени.

Я подвинула бумаги. В среду я ещё как-то держалась на репетиции, в четверг от недосыпа перестала различать хорошую мысль и плохую. Написала, что программа исследует одиночество человека в мегаполисе. Перечитала и вычеркнула: если бы кто-нибудь предложил мне провести вечер за таким исследованием, я бы предпочла кино.

Вера достала из пакета помидоры, хлеб и готовую курицу.

— Расскажи мне. Я куплю билет, если захочу.

— Даже из дружбы?

— Из дружбы я буду ставить лайки. За билет ты должна побороться.

Я отложила ручку.

— Сначала двое пытаются поздороваться, но каждый начинает говорить в тот момент, когда другой уже уходит. Потом женщина собирается уйти со свидания и никак не может забрать свою куртку: мужчина всё время оказывает ей ненужные услуги. Потом...

— Подожди. С курткой хочу посмотреть.

— Это пока четыре минуты.

— А мужчина понимает, что она хочет уйти?

— Понимает. Поэтому и суетится.

Вера улыбнулась. Я взяла новый лист и написала про куртку, оставив мегаполис в покое.

Первые музыкальные пробы я записывала дома. Подставила телефон к сахарнице, отодвинула стул и попыталась показать, как меняется человек, который сначала придерживает чужую одежду из вежливости, а потом — чтобы задержать владельца. В кухне не хватало места. На втором шаге я ударилась бедром о стол и выругалась самым приличным из доступных слов.

— Зритель сочувствует, — сказала Вера. — Но я бы убрала мебель.

— Мебель останется. Я уберу эту поддержку.

Вера вышла из кадра. Я начала снова.

Это была моя хореография, моя кухня на вечер и моя собственная неловкость. Никому не требовалось угадывать, как Павел посмотрит на результат. На минуту я даже забыла, что сплю здесь из-за него.

Когда закончила, Вера пересмотрела запись со мной.

— А вторая половина где?

— Мне нужен партнёр, чтобы проверить. Можно наметить одной, но я не пойму, работает ли.

— Из ваших кто-нибудь?

— Не хочу начинать с тайных репетиций после общей работы. И Олег сейчас занят до конца месяца.

Я записала внизу листа: «Соавтор». На следующий вечер уже нужно было возвращаться к субботнему показу. Идею можно было принести Ладе самой, а законченный фрагмент одной не сделать.

В пятницу я приехала в театр на двадцать минут раньше. Рядом с дверью стояла женщина в шапке и читала длинное сообщение, придерживая большим пальцем экран. На стекле висела афиша: двое актёров сидели за столом по разные стороны от пустого стула. Я знала одного из них по работе и невольно прикинула, сколько стоит его вечер.

Внутри пахло мокрыми пальто и краской. Лада встретила меня в коридоре, попросила пять минут и ушла выяснять, кто согласовал доставку декораций на утро. Женщина в шапке оказалась художницей. Мы вместе слушали, как за закрытой дверью кто-то доказывает, что шкаф обязательно пройдёт в лифт.

Лада вернулась с папкой под мышкой.

— Пойдём. Только у меня до десяти сорока.

— Хватит.

— Всем сначала кажется, что хватит.

Малая сцена была меньше, чем я представляла по фотографиям. Я остановилась у первого ряда и сразу убрала из мысленной постановки один длинный проход. Здесь его пришлось бы делать по людям.

Лада включила свет. В зале было восемьдесят с небольшим мест; несколько последних рядов стояли на невысоких ступенях. На сцене остался стул от вчерашней репетиции.

— Что думаешь? — спросила она.

— Четыре человека поместятся. Если не заставлять их изображать шестерых.

— Нам подходит.

Я положила на край сцены заявку и открыла ноутбук. Принесла две прежние работы и короткую домашнюю пробу. Лада досмотрела все три, не пытаясь похвалить кухонное освещение.

— У старых номеров есть энергия, — сказала она. — Но у нас зритель приходит на вечер, а не на пять отдельных красивых вещей. Как они соединятся?

— Четыре человека всё время меняют отношения. Те, кто не смог встретиться в начале, столкнутся позже. Роли переходят от одного к другому. Зритель уже знает жест и каждый раз видит, что он значит теперь.

— Например?

Я взяла стул, поставила его перед собой и показала кусок с курткой без самой куртки. На такой сцене пальцы было видно из четвёртого ряда. Мне понравилось, как медленно Лада перевела взгляд с руки на лицо.

— Здесь вижу, — сказала она. — В заявке не вижу.

— Исправлю.

Она достала свой лист.

— У нас может освободиться один вечер в декабре. Пока он стоит под другой проект. Я не предлагаю забрать его у них, но хочу иметь замену, если сроки не сойдутся. Готовы смотреть рабочий прогон через две недели. Не час. Минут пятнадцать, чтобы было понятно, за что мы берёмся.

— Две недели от сегодня?

— Да. Это просмотр, не готовый спектакль. И сначала обсудим деньги. Сцену и нашу обычную технику можем дать на условиях, которые пришлю. Дополнительное оборудование — отдельный разговор. Гарантировать полный зал не буду.

Я сверилась со своей сметой. В ней уже не было дымовой машины, сложного задника и света, который приходилось возить из другой части города. Всё равно получалось больше, чем хотелось.

— Мне нужно посмотреть условия и пересчитать, — сказала я.

— Именно. Не соглашайся здесь из вежливости.

— Вежливость обычно обходится мне дешевле.

Лада улыбнулась и взглянула на часы.

— Пока у тебя есть одна хорошая сцена и несколько обещаний. Нужен человек, с которым ты соберёшь их в одну работу. Кто-нибудь уже есть?

— Ищу.

— Посмотри Ветрова. Не как готовое решение, просто посмотри. Он здесь делал эскиз весной.

— Илью?

— Знаешь его?

— Немного. Он раньше работал с Павлом.

Она не спросила, почему я назвала Павла только по имени. Дала ссылку на запись весеннего эскиза и проводила до коридора.

Запись я включила вечером, уже после прогона. Вера задерживалась, я была одна. На экране три человека пытались передвинуть стол, причём каждый считал, что двое других помогают именно ему. Первые полторы минуты я смотрела с привычной готовностью увидеть красивую бессмыслицу. Потом перестала замечать, как снято видео.

Один из исполнителей наконец отпуская стол. Двое оставшихся продолжали тянуть, потеряв человека, который удерживал их спор в равновесии. Это было смешно и неприятно точно в нужной пропорции.

Я нашла другие работы Ильи. Не всё понравилось. В одном фрагменте он так долго держал паузу, что мне хотелось проверить, не завис ли экран. Но люди в его сценах чего-то хотели друг от друга. Я понимала их даже с выключенным звуком.

С самим Ветровым я встречалась несколько раз. Высокий, негромкий, с привычкой сначала выслушать замечание целиком. Павел раньше называл его надёжным, потом — сложным в работе. Я помнила, как они съездили в Нижний на подготовку выездной программы прошлой осенью. Двенадцатого ноября, кажется: у меня тогда был вечерний прогон, и они задержались там ещё на ночь. Я писала Илье, чтобы уточнить, когда ждать Павла с техническими ответами. Он обещал, что утром всё пришлют.

Программа потом состоялась, а через несколько месяцев они перестали работать вместе. Павел объяснил, что Илья слишком долго согласовывает правки. Я не спрашивала у Ильи его версию. В нашей компании правки шли через меня, и там он никогда не задерживал ответ без объяснения.

Я открыла его контакт и начала сообщение: «Илья, добрый вечер. Это Вероника Кравцова».

Убрала фамилию. Вернула. Моё имя всё ещё было моим, даже если пока я не умела произносить его без мыслей о муже.

Написала, что собираю самостоятельную камерную программу, приложила заявку и спросила, можно ли обсудить работу на следующей неделе.

Он ответил через полчаса:

«Можно. Завтра вы показываетесь? Посмотрю программу, если ещё есть места. Заявку прочту утром».

Я сообщила, где взять билет, и закрыла переписку. Потом снова открыла: почему-то хотелось уточнить, что это не приглашение на дружескую услугу, а работа с оплатой.

Уточнила.

«Так я и понял», — ответил Илья.

Я положила телефон на стол. Завтра мне нужно было провести показ, в котором Павел отвечал за всё, чего не видела сцена. Следующая неделя впервые за много лет не была расписана на нас двоих.

Глава 4

Перед показом у Аси разошёлся шов на юбке. Я стояла перед ней на коленях с иглой в руках, а она держала телефон и пыталась найти на записи тот кусок, который её беспокоил.

— Вот здесь. Мне кажется, мы уходим слишком рано.

— Телефон убери. Двадцать минут до начала, сейчас будем чинить только то, что действительно сломалось.

— Юбку?

— Юбку.

Она вздохнула, но послушалась. Я сделала ещё два стежка, попросила повернуться и проверила, не натянулась ли ткань. За спиной Олег объяснял кому-то, что номер из прошлого показа сегодня не нужен. Из зала доносился голос Павла: он разговаривал с техником и перечислял выходы так, будто мог удержать весь вечер одним уверенным тоном.

— Готово, — сказала я Асе. — Походи.

Она сделала круг, подняла колено, присела. Шов выдержал.

— Спасибо.

— После показа отдашь швее. Это не навсегда.

Ася положила телефон на стол с гримом. В зеркале наши взгляды встретились; я увидела, что ей хочется спросить совсем другое. Но она только поправила заколку.

— Ты сама нас выпускаешь?

— Сама.

Я дошла до кулисы, проверила проход и попросила убрать две бутылки с пола. Под ногами цеплялся край покрытия. Мы примяли его с Олегом, и на несколько минут этого оказалось достаточно, чтобы голова перестала крутить одно и то же.

Когда погас свет в зале, Павел подошёл к нам.

— Всё готово. Вторая фонограмма по твоему списку.

— Хорошо.

Он задержался. До первого выхода оставалась минута. Я подвинулась, освобождая ему проход, и он ушёл к пульту.

За кулисами нельзя было говорить, что сейчас тебе плохо. Здесь люди ждали первого шага, первого взгляда партнёра, света, который позволит увидеть край сцены. Я коснулась плеча Аси. Миша стоял рядом и медленно переносил вес с носка на пятку.

— Не ищи её раньше времени, — прошептала я ему. — Она сама появится.

Он кивнул.

Началась музыка. Я выпустила их и осталась сбоку, откуда почти не было видно зала. Ася подошла к своей воображаемой остановке, поправила сумку, посмотрела мимо Миши. Он задержал руку на полпути к ней. Тот самый момент, который мы собирали всю неделю, получился.

Я выдохнула и поняла, что до этого задерживала дыхание.

Дальше были неточный свет, поддержка чуть левее нужного места и один переход, на котором я внутренне поднялась со стула, хотя стояла. Всё обычное. Люди танцевали, техника иногда мешала, иногда помогала. В какой-то момент зрители засмеялись там, где я надеялась, что они засмеются. Мне удалось улыбнуться.

После показа мы собрали вещи. Миша искал телефон, который оставил в собственном кармане, Ася получила от кого-то букет и положила на него рюкзак. Я помогла Олегу пересчитать детали костюмов. Не хватало пояса, через пять минут пояс нашёлся на стуле.

— Завтра можно мне не отвечать? — спросил Олег.

— Даже нужно.

Он обнял меня одной рукой, неловко, потому что в другой держал пакет, и ушёл переодеваться.

Илья ждал в коридоре у афиш. Я узнала его сразу, хотя не могла вспомнить, когда видела последний раз. Волосы он теперь стриг короче. На тёмном свитере у плеча осталась светлая нитка, которую я заметила раньше лица и тут же разозлилась на себя: не хватало ещё отряхивать чужого мужчину.

— Добрый вечер, — сказал он.

— Добрый. Спасибо, что пришёл.

— Рад, что успел. Хорошая первая сцена.

— Остальные плохие?

— Остальные тоже обсуждать здесь?

Я засмеялась. Он не стал поправлять себя и добавлять, что понравилось всё. Это было приятно.

— Не сегодня, — сказала я. — Иначе ты получишь ответ человека, который вторую неделю не высыпается.

— Тогда в понедельник. Я свободен до двух.

— Мне нужен зал, чтобы проверить кусок, а не только разговор.

— Согласен. Есть место на «Соколе». Могу узнать свободный час. Аренду включим в расходы пробы, если устроит цена.

— Напиши. Я посмотрю.

Павел появился со стороны зрительского зала, держа две папки. Увидел Илью и замедлил шаг. Мне хватило времени заметить это, но не понять, что оно означает.

— Привет, — сказал он. — Давно не виделись.

— Привет.

Илья не протянул руку. Павел тоже. Они стояли так, словно разговор уже начался раньше и теперь можно было обойтись без привычных действий.

— По работе? — спросил Павел, повернувшись ко мне.

— По моему проекту.

Он посмотрел на Илью.

— Ясно.

Я ожидала замечания. Павел умел сообщать третьим лицам о своих сомнениях так, что это звучало как беспокойство о них. Сегодня он только протянул мне одну папку.

— Здесь расходы по показу. Остальное соберу в начале недели.

— Спасибо.

Он ушёл к гардеробу. Я прижала папку к сумке и обнаружила, что всё это время стояла, выпрямив колени так, что теперь они болели.

— В понедельник, — повторила я.

Илья кивнул. Спросил, остался ли актуальным адрес моей почты, дождался ответа и попрощался.

В метро я прочитала его сообщение с ценой зала и временем. Потом открыла папку с расходами. Между двумя таблицами Павел оставил листок: «Ты сегодня хорошо собрала переходы. Выпись».

Я убрала листок в дальний карман сумки, чтобы не видеть, и всю дорогу знала, что он там лежит.

В воскресенье я проспала почти до полудня. Вера уже съездила за продуктами и теперь смотрела сериал с таким сосредоточенным видом, будто рассчитывала по нему налоги.

— Как показ? — спросила она, поставив на паузу.

— Нормально. Публика была живая.

— Это обычно радует.

Я села на соседний край дивана, подтянув к себе ноги. Во сне было спокойно. Первые минуты после пробуждения приносили всю боль заново, и я ждала, когда она станет хотя бы знакомой.

— Ты хотела сегодня куда-нибудь? — спросила я.

— Гулять. Если согласишься, вместе.

— Соглашусь. Только у меня сначала один неприятный вопрос. Сколько я могу тут жить?

Вера выключила телевизор.

— Пока не найдёшь квартиру.

— Так можно отвечать очень долго.

— Ника, у меня нет счётчика твоих ночёвок. Но если тебе нужен срок, давай две недели, а потом поговорим. Устраивает?

Я кивнула. Мне было стыдно почувствовать облегчение от того, что дружбу тоже можно выразить в понятном сроке.

— Я завтра начну смотреть объявления.

— Сегодня можешь начать. Но гулять мы всё равно пойдём.

Мы пошли к парку, взяли кофе, замёрзли и вернулись. Я дважды проверила телефон, пока Вера выбирала хлеб в пекарне. Павел не писал. Обидеться на это хотелось почти так же сильно, как запретить себе обижаться.

Вечером я пересмотрела домашнюю пробу и написала для Ильи короткий порядок сцен. Из программы убрала два номера, которые хотела взять из текущего репертуара: пока мы не разобрались с общей работой, мне не хотелось начинать новую с возможного спора о старом.

Получалось меньше часа. Я записала фактическую длину фрагментов и отправила всё как есть.

В понедельник я нашла Илью в зале за десять минут до назначенного времени. Он стоял у окна и смотрел в телефон. Услышав дверь, убрал его в карман.

— Ты рано.

— Решила сначала найти вход. Почему у всех репетиционных залов он с той стороны здания, до которой доходишь последней?

— Здесь был склад. Нам повезло, что дверь вообще осталась.

Зал оказался светлым и длинным, с колонной, которая мешала только на первый взгляд. Мы не собирались разгоняться. Я положила сумку на скамью. Илья показал, где можно переодеться, и отошёл подключать колонку.

Он не пытался помочь мне снять куртку, не предложил кофе и не спросил, как я. Я впервые с четверга пришла в место, где ещё можно было не объяснять, почему я такая.

Когда я вернулась, он разложил распечатанные страницы моей заявки на полу у стены. Рядом лежал карандаш.

— Мне нравится сцена с одеждой, — сказал он. — Но в программе у тебя четыре человека, и трое из них, кажется, должны подождать, пока двое закончат отношения.

— Ты прочитал только эту сцену?

— Я прочитал всё. Поэтому и спрашиваю, что делают остальные.

Я села на скамью, не успев начать разминку.

— Меняют роли. Появляются в следующей истории. Я не собираюсь держать всех четверых на сцене каждую минуту.

— И не надо. Но сейчас каждый дуэт начинается заново. Почему это один вечер?

Точно такой же вопрос задавала Лада. Из уст Ильи он почему-то раздражал сильнее.

— Общая тема.

— Тема есть и у сборного концерта.

— У тебя в эскизе со столом все были на сцене, потому что иначе не получилось бы передвинуть стол. Это не значит, что мне нужен тот же приём.

Он опустился на корточки, собрал страницы по порядку и положил на скамью рядом со мной.

— Не нужен. Поэтому я не принёс сюда стол. Я пытаюсь понять, что мы будем делать вдвоём, кроме того, чтобы поправить красивые вещи, которые у тебя уже есть.

Я посмотрела на него. Он говорил спокойно, но отступить не собирался. Хорошо было бы вспомнить об этом раньше, чем я начала защищать каждую строчку.

— Мне нужен соавтор, — сказала я. — И второй человек в пробах. Хочу проверить, где у меня есть отношения, а где я просто сама себе их придумала.

— Вот это могу.

— Тогда давай проверять.

Я начала разминку. Илья отошёл на несколько шагов, освобождая мне место, и разогрел плечи. Пока мы двигались каждый сам по себе, он спросил:

— Прежде чем начнём, можно про Павла?

Я остановилась, удерживая ладонь на пояснице.

— Если речь о ваших старых проектах и деньгах — да. Если обо мне и нём — нет.

Он не ответил сразу. Продолжал стоять лицом ко мне, опустив руки.

— Я не прошу тебя обсуждать личное.

— А я вообще не хочу сегодня это обсуждать. Пришла работать. Про ваши разногласия знать полезно, если они могут касаться меня. Остальное оставим.

Он кивнул.

— Мы разошлись из-за того, как он продавал изменения в программе. Заказчик получал обещание нового номера раньше, чем со мной договаривались о сроке и оплате. Последний раз я отказался делать переделку. Павел нашёл замену.

— Он говорил, ты долго согласовывал правки.

— Потому что это уже была другая работа. Я хотел, чтобы сначала согласовали её.

Это было достаточно похоже на Павла, чтобы я не стала спорить. И недостаточно, чтобы автоматически принять чужую сторону.

— У тебя остались к нему финансовые требования?

— По тому проекту мы закончили расчёты. Работать с ним снова не хочу.

— Ясно. Здесь будет отдельный проект. Я не посредник.

— Хорошо.

Илья подошёл к колонке. Мне показалось, что он хотел добавить что-то ещё, но я уже доставала из сумки длинный шарф. Куртку Веры в пробу больше брать не собиралась.

— Это пока заменит рукав, — сказала я. — Держи край.

Он взял ткань двумя пальцами. Я объяснила первую последовательность: женщина собирается уйти, мужчина удерживает её одежду чуть дольше, чем нужно; она благодарит, забирает, он перехватывает другой конец.

Мы прошли медленно. На третьем движении я оказалась слишком близко к нему и отступила.

— Здесь тесно, — сказала я.

— Потому что ты отворачиваешься раньше, чем забираешь шарф.

— Она не хочет с ним разговаривать.

— А уходить хочет?

— Да.

— Тогда почему ждёт, пока он отдаст?

Я посмотрела на ткань между нами. В домашней пробе у меня получалось сделать вид, что второй человек препятствует уходу. Сейчас Илья просто стоял, а я ждала от него нужного действия, чтобы показать своё.

— Ещё раз, — сказала я.

На этот раз потянула шарф раньше. Илья пошёл за движением, и его шаг вынудил меня повернуться к нему. Я выставила ладонь, обозначая дистанцию. Он остановился, но ткань не отпустил.

— Вот здесь, — сказала я. — Не надо дальше. Теперь она понимает, что он всё-таки услышал.

— А он?

— Ещё нет.

Мы попробовали с музыкой. Илья менял захват без лишнего усилия, позволяя мне брать больше ткани, но вынуждая оставаться в нашей общей траектории. Я привыкла точно знать, где окажется рука партнёра. Теперь приходилось ловить его решение, и от этого сцена становилась живее.

В одном из переходов я повернулась слишком широко. Его ладонь легла мне на бок, останавливая разворот, и тут же ушла. Не прикосновение само по себе — задержка перед ним заставила меня сбиться со счёта. Я ощутила его близость всем телом и слишком резко вернулась на исходную.

— Больно? — спросил он.

— Нет. Я потеряла направление.

— Начнём медленнее?

— Начнём без захвата. Пусть она сама останавливается.

Илья отошёл. Следующий проход получился хуже: я сделала нужное движение в нужное время, но оно ни из чего не вытекало. Он не стал комментировать. Дождался, пока выключу музыку.

— Ладно, — сказала я. — Возвращаем. Только руку чуть выше, иначе ткань мешает.

Он показал ладонью место на себе, проверяя, правильно ли понял. Я кивнула.

Мы повторили. Теперь я знала, что почувствую, и смогла остаться в сцене. В зеркале я видела нас боком: мой шаг, его поворот, натянутую ткань и внезапную остановку. Я больше не выглядела женщиной, которую задерживают. Я выглядела женщиной, которая сама выбирает, сколько ещё здесь находиться.

— Теперь меняемся, — сказал Илья.

— Зачем?

— Хочу попробовать другую сторону.

Он отдал мне свой край шарфа. Я удержала его, а он попытался забрать. На втором шаге я придумала движение, которого не было в последовательности, и сменила руку за спиной. Илья остановился. Потом улыбнулся так, что я впервые заметила у него небольшую складку у левой щеки.

— Это нечестно.

— Это исследование.

— Тогда исследуй, как я откажусь.

Он отпустил ткань. Я осталась с целым шарфом в руках и удивительно глупым желанием вернуть хотя бы один конец.

— Хорошо, — сказала я. — Это оставляем. Не движение, а возможность отказаться.

Он кивнул, уже снова серьёзный. Мы записали две версии на телефон. Я посмотрела их, сидя на полу, и почти сразу поняла, где появится третий человек: он подберёт одежду, которую двое успели забыть во время спора. Не новый сюжет — последствия того, что уже произошло.

— Нужна ещё сцена между этими, — сказала я. — Чтобы тот, кто приносит куртку, был нам знаком.

Илья сел рядом, оставив достаточно места между нами.

— У тебя в начале двое разминулись. Один из них может вернуться.

Я отмотала запись, попробовала соединить два куска в голове и взяла карандаш.

К концу часа мы исписали оборот заявки. Я не соглашалась с половиной предложений Ильи; другую половину успела начать защищать как свои. Он поймал меня на этом только один раз.

— Пять минут назад тебе не нравилось.

— Пять минут назад ты плохо объяснил.

— Буду стараться.

В ответе не было ни обиды, ни обещания подстроиться. Я поднялась, чувствуя, как мышцы напомнили о непривычной работе.

Мы продлили аренду на полчаса и потратили их на расписание. Илья предложил два рабочих блока с отдельной оплатой: подготовку фрагмента к просмотру, а дальше — постановку всей программы, если мы решим продолжать. Я показала бюджет. Он вычеркнул количество часов, в которое, по его мнению, мы не укладывались.

— У меня нет денег на бесконечные поиски, — сказала я.

— У меня нет времени обещать результат за часы, которых не хватит. Давай уменьшим кусок.

Мы сократили предварительный просмотр до двух связанных сцен и короткого перехода. Ладе я должна была сообщить об этом сама. Илья назвал свой гонорар; я попросила прислать предложение письменно, чтобы пересчитать вместе с арендой и оплатой исполнителей.

— И ещё, — сказал он, когда я застёгивала сумку. — В афише хочу быть соавтором постановки. Если мы её действительно сделаем. Не человеком, который помог тебе поправить руки.

— Я так и собиралась.

— Лучше сказать сейчас.

— Лучше, — согласилась я.

Он придержал дверь, пока я выходила в коридор. Я остановилась у лестницы, пропуская двух девушек с ковриками. Илья стоял за моим плечом, и я снова слишком хорошо знала, где он находится.

Внизу шёл дождь. Я искала зонт, нашла только чехол и вспомнила, что сам зонт остался дома. Илья застегнул куртку и кивнул в сторону метро.

— Вышлем друг другу записи. Завтра сможешь ответить по условиям?

— Вечером.

— Хорошо. Тогда до завтра.

Он спустился по ступеням и пошёл к переходу. Я осталась под козырьком, пока не поняла, что жду чего-то, о чём мы не договаривались. После работы мне нужно было посмотреть квартиру, потом вернуться к Вере и пересчитать смету. Всё это никуда не делось.

На телефоне появилась ссылка от Ильи. Я открыла видео. В конце мы менялись местами, я уводила шарф за спину, и он улыбался перед тем, как отпустить ткань.

Я сохранила обе версии и убрала телефон в сумку. Время просмотра стояло на экране. До квартиры оставалось сорок минут.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.